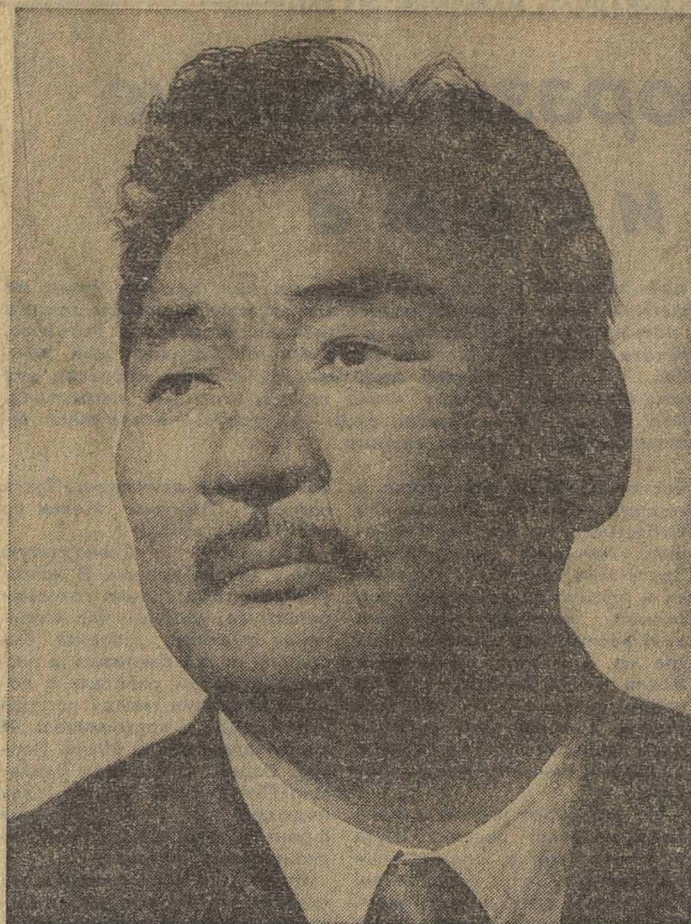

САМЫМ популярным в Бурятии певцом — народным артистом СССР Лхасараном Линховоином мы встретились во время его работы над партиями Ивана Хованского и Досифея в монументальной музыкальной драме Мусоргского «Хованщина».

...На письменном столе певца — груда книг, среди них — старинные фолианты с золотым обрезом, клавир «Хованщины», портреты певцов в оперном гриме.

— Вот изучаю материалы, — говорит Лхасаран Лодонович, его мягкий, «бархатный» бас, кажется, без остатка заполняет все пространство большой комнаты, — прослеживаю сценическую судьбу «Хованщины», сравниваю различные трактовки, перечитываю «Петра Первого» Толстого. На очереди — «История раскола», музыковедческие работы Асафьева, Оголевца, письма композитора...

Это очень «по-линховоински»: для артиста изучить партию — значит знать всю оперу, самому искать рисунок, грима и костюма, обдумывать мизансцены, помогать товарищам по спектаклю. «А откуда — глубина и «обстоятельность» его лучших ролей.

Десять лет назад, впервые знакомясь с музыкальным искусством Бурятии, я услышал знаменательные слова: «Линховоин — это целый театр». Потом мне разъяснили: «Он певец, режиссер, драматург, педагог». Сегодня этот полшутливый афоризм превратился во вполне серьезный — действительно, артист пел почти во всех оперных спектаклях театра, был художественным руководителем коллектива, подготовил несколько оперных премьер, принял участие в сочинении либретто национального балета «Во имя любви» и оперы «Прозрение», на сцене рядом с ним поют его ученики, самый одаренный из которых — Ким Базарсадаев — приобрел уже широкую известность.

Восемнадцатилетним юношей Лхасаран Линховоин, правнук и внук кочевника-скотовода, сын народного певца и учителя из Агинского Бурятского национального округа, пришел к педагогу Н. В. Владимировскому. Через год он уже твердо занял место в оперном хоре.

Звезда Линховоина восходила стремительно: начав свой второй театральный сезон в хоре, он заканчивает его солистом. Затем национальная студия Московской консерватории, Ленинградская консерватория, постижение вокального искусства у больших мастеров — Н. Большакова, П. Андреева, З. Лодий... Студент консерватории — дипломант Пражского и Берлинского международных фестивалей молодежи, а незадолго до окончания вуза (пожалуй, единственный в своем роде факт!) Лхасаран Линховоин стал народным артистом Бурятской АССР. Со дня выпускного экзамена минуло два десятилетия, и ныне Лхасарана Лодоновича можно считать создателем великолепной галереи образов в различных оперных спектаклях.

Среди них — «Русалка» Даргомыжского. Для артиста это счастливый спектакль. Здесь он дебютировал и единственную фразу Ловчего сумел спеть так колоритно, что запомнился слушателям. В «Русалке» пришел к нему и первый большой успех — Мельник Линховоина волновал психологической правдой, богатством эмоциональных нюансов, которые помогали артисту убедительно лепить характер своего героя, ведя его от наивной хитрости, проявляющейся в его первой арии, к трагедийному накалу в сцене безумия. И, наконец, в гриме Мельника бурятский артист вышел на первую оперную сцену страны. И снова успех. Борис Александрович Покровский, введший Линховоина в спек-

такль, писал, анализируя работу своего подопечного: «Темпераментность и большая сценическая выразительность оставляют сильное впечатление. Линховоин — опытный певец. Он потрясает. Заставляет верить зрителей в драматическую мощь музыки композитора».

Линховоин — Кончак сначала привлекает колоритностью внешнего облика, пластикой по-восточному медлительных движений. Мягко льется голос по прихотливой

изгибам мелодии, естественно укладывающаяся в ее «неправильный и странный ритм». Но вот непреклонность Игоря приводит хана в ярость, злой огонь вспыхивает в его глазах, в голосе прорывается неукротимая, первобытная сила. Восточная экзотичность отброшена — перед нами деспот, страшный в своем диком гневе степной владыка.

Незабываемым было мгновение, когда на сцене воодвигалась (трудно подобрать другое слово) исполнская фигура ассирийского полководца Олоферна, вызывая в воображении оживший древний барельеф. Скульптурная пластика жестов, властный голос сочетались с психологической правдивостью, в том числе и в труднейшей «сцене опьянения». «Юдифь» Серова в Бурятском театре для Линховоина стала режиссерским дебютом. Певец-режиссер (совместно с Н. Логачевым) нашел в опере благодарный материал для всего коллектива, сумел придать действию динамичность, сконцентрировав внимание на раскрытии основной идеи, добился убедительного ансамбля всех участников постановки.

— Петя и режиссировать в одном спектакле, — говорит Лхасаран Лодонович, — понятно, нелегко. И трудность не только в том, что надо выявить возможности каждого из участников, но прежде всего в необходимости подчас самоограничиваться, если этого требует ансамбль. Когда такое требование исходит от другого режиссера, подчиниться ему легче, чем «наступать на горло собственной песне». Но тем не менее к режиссерской работе меня тянет.

...В дверях собора — величавый силуэт царя Бориса. И мы сразу ощущаем трагическое противоречие между призрачным «величием» власти безграничной и страданиями большой совести — так «диссонируют» у Линховоина внешний блеск и скрытая тревога, вызванная зловещими предчувствиями, о которых говорит усталый взгляд умных глаз. Певец сохраняет традиционную основу роли, что обусловлено необходимостью воссоздать колорит эпохи и достичь исторической достоверности. В его Борисе сочетаются и психологическая напряженность, и целеустремленный характер правителя Руси, и лирическая проникновенность семьянина. Вдумчиво и одухотворенно интонируя вокальную речь Мусоргского, Линховоин умеет донести до слушателей и богатый подтекст партии Бориса. Вспоминается, например, «контрапункт» в сцене с Пimenом, когда царь Борис — Линховоин не столько внимает расказу летописца, сколько прислушивается к «голосу»

своей совести. Потрясает трагический шепот, «гремющий» в замершем зале, в «сцене с курантами».

Немало интересного найдено талантливым бурятским певцом и в национальном оперном репертуаре — вспоминаются хранитель народной мудрости, верный сын своей родины охотник Булган-Табита (опера Д. Аюшеева «Побратимы»), авантюрист Шэрэтэ-лама (музыкальная комедия Б. Ямпилова «Будамшу») и, конечно, жестокий Бумал-хан (опера М. Фролова «Энхе-Булат батор»). Последний персонаж у Линховоина не из традиционных оперных «злодеев», которых немало в национальных спектаклях, — артист создал глубокий и многогранный образ, в котором тщеславие, хитрость, жестокость сочетаются с сентиментальностью. Богатая гамма чувств — от отчаяния до дикой ярости — передана Линховоином в великолепной сцене, когда хан узнает о похищении священного серебряного меча — символа ханской власти.

А еще были комический Мендоза, зловещий Монтанелли, демонический Мефистофель, прямодушный Греммин, злобный кулак Сторожев, величавый и простой Сусанин, гротескный Дон Базилио, вкрадчивый и одновременно грубоватый плут Лепорелло, сдержанный и вместе с тем благородно челоуечный Андрей Соколов... И в каждой партии Линховоин умеет выделить самое важное, найти «серно» роли, лаконичными, но меткими штрихами создать запоминающийся вокально-сценический образ.

И все-таки если Линховоин — камерный певец и не превосходит Линховоина — оперного артиста, то без знакомства с концертным твор-

люди искусства

Счастье, обретаемое в творчестве

Олег КУНИЦЫН

чеством вокалиста, представление о его художественном облике будет далеко не полным.

На эстраде певец держится подчеркнуто «камерно», лишь сдержанным жестом и чуть намеченной мимикой оттеняя выразительность вокальной линии. В музыке Чайковского Линховоин, например, подчеркивает ее психологическую насыщенность, значимость каждой интонации, мелодическую распевность. Как глубокий лирико-философский монолог звучит у него, в частности, романс «Ночь». Певец показал здесь тонкое ощущение формы, умение распределять оттенки, идти к кульминации. Сдержанно «произносятся» первые речитативные фразы, голос певца с мягкой задушевностью «скользит» по хроматическим поворотам мелодии. Волнение нарастает, голос наполняется чувством, и как крик души возникает кульминационная фраза — «появись же хоть во сне». Легко и изящно поет Линховоин «Флорентийскую песню» Чайковского, тонко подчеркивает подвижный ритм «Ирландской застольной» Бетховена, сдержанно передает трагизм «Двойника» Шуберта. В русских народных песнях «Эй, ухнем» и «Вдоль по Питерской» у него много удали, лихости, чисто русской душевной широты, широты мелодического дыхания. Запомнилась романтическая элегичность и вместе с тем мудрая глубина в трактовке старинного русского романа «Ямщик, не гони лошадей». С большим подъемом, вдохновенно поет артист современные песни — «Журавли» Френкеля и «Балладу о солдате» Соловьева-Седого.

Линховоин известен как непревзойденный исполнитель бурятской музыки. Романы Балдакова, песни Цырендашиева, Павлова, Манжигеева он поет увлеченно, выявляя национальные краски, бережно, тепло интонируя мелодии, близкие бурятским народным напевам.

...Каждый день, рано утром Лхасарана Лодоновича можно встретить на широкой дуге проспекта Победы, главной улицы Улан-Удэ. Сосредоточенно раздумывая о чем-то, певец неторопливо идет к виднеющемуся вдали зданию Бурятского оперного театра. Может быть, репетиция, может быть, дела в ВТО (Линховоин — председатель Республиканского отделения Всероссийского театрального общества и отдает ему немало сил и времени), может быть, творческая встреча. Жизнь талантливого бурятского певца наполнена до предела — жизнь большого мастера, художника-творца, народного артиста СССР.

УЛАН-УДЭ.